

самая распространенная переписывалась и сохранялась во многих городах Владимиро-Суздальской земли, а позднее и Московского государства.

Анализ состава рукописей, в которых имеются списки «Слова о законе и благодати», произведенный при обследовании его рукописного наследства, также подтверждает сказанное выше.

Начнем с тех немногочисленных, но драгоценнейших сведений, которые нам дает древнейший список «Слова» — его фрагмент в рукописи XII—XIII вв. Это развернутый пергаменный лист, являвшийся некогда нижним листом тетради какой-то книги (о том, что это именно нижний лист, говорит характер его поверхности и сгиба, а также и то, что он содержит отрывок «Слова», начинающийся, судя по другим уставным рукописям, примерно через 3 или 4 листа от его начала). Отрывок «Слова» написан на лицевой и оборотной сторонах правой (от сгиба) части листа; левая часть содержит конец какого-то «Слова о воскресении» и начало слова «О твари и дне, рекомом неделя».²² Все это свидетельствует о том, что перед нами фрагмент сборника «слов» и поучений, произведений ораторского искусства, в который «Слово о законе и благодати» попало совершенно естественно, соответственно своему жанру и назначению.

Следующий по старшинству список второй редакции «Слова» — Чудовский, как указывалось выше, список архаичный, сохранивший многие черты своего протографа, входит в состав сборника житий и поучений, где «Слово» помещено опять-таки среди однородных ему по жанру произведений — между «словами» на Пятидесятницу и на Успение. В остальных шести списках XV в. второй редакции «Слово о законе и благодати» содержится в таком же окружении; это все сборники «слов» и поучений, в которых «Слово» встречается в самых различных местах: иногда, как в Чудовском списке, между циклом «слов» Цветной триоди и служебных миней, иногда просто среди поучений Златоуста, Василия Великого и других отцов церкви. В одном же списке этой редакции, относящемся ко второй половине XV в., «Слово о законе и благодати» помечено уже определенным днем — 15 июля, датой, когда было установлено церковное празднование князю Владимиру, что не является случайным: это Четья минея из библиотеки новгородского Софийского собора. Большинство следующих по старшинству списков второй редакции «Слова», списков конца XV и XVI вв., имеют эту же дату, что является очевидным следствием влияния Четьих миней.

Интересно и важно отметить, что список второй редакции «Слова», написанный в Киеве (рукопись начала XVI в.: ГБЛ, Егоровск. 875), не имеет даты 15 июля. Это «Златоструй», в котором «Слово» помещено опять-таки после поучения на Пятидесятницу, перед минейным чтением на 27 января.

Что касается списков третьей редакции «Слова о законе и благодати», то все они, начиная с древнейшего, Мусин-Пушкинского, приурочены к 15 июля и находятся среди других произведений, возникших с установлением церковного почитания князя Владимира, рядом с «Памятью» и «Похвалой» Иакова мниха, Житием и, наконец, службой «равноапостольному» князю. Под этой датой третья редакция вошла и в макарьевские Четьи минеи.

Знакомство с окружением «Слова о законе и благодати» в рукописях наглядно показывает, как из публицистического, если не сказать политического, ораторского произведения оно постепенно превратилось в житийное, приуроченное к религиозному культу князя Владимира, восхвалению

²² Опубликовано И. И. Срезневским (Сведения и заметки... , вып. 2, стр. 31—32).